

За мир, за демократию!

Пройдет еще два месяца, и память миллионов людей отметит четверть столетия со дня, когда нордбергский ветераник Кейтель в зловещем развалившемся, поверженном Берлине дрожащей рукой подписал акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Умог гром орудий в Берлине. Но уже тогда, в первое послевоенное майское утро, было слышно, как стрекочут пулеметы, как разрываются снаряды в горах многострадальной Греции. Там «собоудители» под командованием английского генерала Скоби, по приказу матерого реакционера Черчилля, расстреливали доблестных греческих патриотов, бойцов ЭАМ. Умог гром орудий на обширном тихоокеанском театре войны, но в наступившей тишине стало особо отчетливо слышно, как гоминдановские саботажники борьбы с японскими интересами из всех вдов американского оружия стреляют по солдатам Народной армии Китая.

Вьетнам. Индонезия. Мадагаскар. Палестина... Кровь и выстрелы. Смерть и разрушения. Нет, не наступил мир после того, как была потушена страшная пожарная вторая мировая войны. Поджигатели войны припрятали обещанные народам свободы от многих «страхов», в том числе от страха за будущее, в самые дальние ящики правительственных сейфов и, засучив рукава, принялись за давлению работу подготовки новой мировой войны.

Многие в мире изменилось. Но империализм остался империализмом во всей своей обнаженной разбойничьей сущности. Штаб-квартира агрессии находится в Нью-Йорке на Уолл-стрит.

Но убожество и бедности фантазии нынешние претенденты на мировое господство с рабским прилежанием бездарных ученых копируют старые прописи поверженного немецкого фашизма. Когда мы читаем писания идеологических приказчиков Уолл-стрит о превосходстве англо-саксов над другими народами, мы без труда различаем в этих писаниях такой же почерк, как у берлинских теоретиков прехвощества «северногерманской расы». В теории и наглой практике засаждения «американского образа жизни» каждому зарывшемуся и пампаловому человеку не без основания мерещится фашистский «новый порядок». И не надо обладать особой прозорливостью, чтобы в «западноамериканском союзе» и в подготавливаемом с лихорадочной поспешностью «Северо-атлантическом пакте» разглядеть рабскую копию пресловутого «антиимпериалистического пакта» оси Берлин—Рим—Токио.

Таковы очевидные аналогии, обладающие позитивное лицо агрессоров.

Особенно наглядно этот отвратительный типизм агрессоров проявляется в чудовищной кампании лжи и клеветы, которая рассчитана на то, чтобы запугать обывателей «красной опасностью» и провести психологическую подготовку общественного мнения к переходу от «холодной» к «горячей» войне.

Не пропуская в свою прессу и радиопередачи ни единого слова правды о нашей стране, империалистические заправчики и их идеологические приказчики обеспечивают себе «свободу рук» в создании чудовищных небывалых и грязных наветов на страны полнотной демократии и прогресса.

Под гром и скрежет человеконенавистнической лжи об «агрессорах с востока» министры и конгрессмены, генералы и политики, гангстеры пера с трубуны парламентов, со страниц печати, на волнах эфира, в книгах мемуаров политический «отставных козы барабанщиков» с деловитым глумлением профессиональных мажорков обсуждают планы агрессивной войны.

В этих людоедских призывах к массовому человекопретворению раскрывается подлинная, без прикрас и «демократической» помаленьки звериная морда современного империализма, свирепого и тупого.

Этот «облаготворительный» страны Западной Европы ростоунической «помощью», подобно шекспировскому Шейлоку потребовал в расчет «футу живого мяса» и уже вырезал из живого тела маршаллизованных стран их независимость и национальный суверенитет.

Этот, повинуясь инстинкту классового родства, поставил интересы хозяев битого Гитлера, промышленных магнатов Рура, над интересами других стран Западной Европы и прегрел под своим крылом хищных гитлеровских недобитков — шахтов, папавов, гудерманов, гальдеров и им подобных, расцвистывая воспользоваться разбойничьим опытом этих фашистских ублюдков.

Аппетит новых претендентов на мировое господство не насытит. Последние месяцы, когда заокеанские «мротворцы» отвергли предложение товарища Сталина заключить Пакт мира, с особенной наглядностью показали их безудное стремление к войне.

Но чем больше и откровеннее обнажают свое подлинное лицо поджигатели войны, тем ярнее становится тот очевидный факт, что миллионы простых людей во всех уголках земного шара хотят мира. Народы исполнены стремления к дружбе и сотрудничеству, и то, особенно важно, исполнены воли к тому, чтобы встать поперек пути поджигателей войны.

Как ни восторжен вид пепных псов агрессоров, об бесцельно заглушить голоса честных людей, все громче звучащие с разных материков нашей планеты. И как ни изощряются проституционные псы в клевете на первое в мире социалистическое

Государство и его друзей, в сердцах простых людей мира живы воспоминания о Сталинграде, в великом и жертвенном подвиге народов Советского Союза во второй мировой войне. Крепки их симпатии к нашему народу и сильна вера в могучий Советский Союз, нерушимый оплот мира, прогресса и подлинной демократии.

Пусть лейбористские приказчики Черчилля из кожи вон лезут, усердствуя в своем лакействе перед долларом, Рабочие Лондона, Ланкашира, угольного Уэльса, через головы лейбористских и тредьюнионовских чиновников обращаются со словами дружбы и желания совместной борьбы за мир к рабочим Советского Союза.

Пусть предатели национальных интересов Франции и Италии, вскаки в гасперии, сфоры, шельбы, кзы, шуманы, рамалье, мока тишатся задушить в народах горделивое чувство национального самосознания и волю в сопротивлению заокеанским империалистам. Мужественные голоса Торега и Толъятти доносили до народов всего мира подлинные чувства и намерения французских и итальянских народных масс.

Голос прогрессивной интеллигенции в защиту мира и демократии, прозвучавший во Вроцлаве в прошлом году, могучим эхом откликнулся во всех странах мира, вопреки стараниям капиталистической прессы замолчать или обогатить то, что происходило на конгрессе.

Гневный голос протеста против поджигателей войны поднимают миллионы трудящихся женщин во всех концах света. Советская женщина идет в авангарде международного женского движения борьбы за социализм, за демократию, за прочный мир, встречая горячую поддержку передовых женщин всего мира.

Скандинавские подполковники Уолл-стрит пытаются приковать свои страны к колеснице организаторов «Северо-атлантического пакта». Но и в Норвегии, и в Швеции, и в Дании представители трудового народа поднимают голоса протеста против предательской политики правительства.

Стремление к миру между народами продиктовало профсоюзной организации стоковского завода «Лильехольменс кабельфабрик» слова принятой рабочими резолюции:

«Вопрос о войне и мире сейчас более чем когда-либо ранее занимает мысли простых людей. Народы всех стран желают мира, однако печаль ежедневно утверждает, что война неизбежна. Шведское рабочее движение должно поддерживать силы мира во всем мире. Нельзя допустить развязывания новой войны. В создавшейся обстановке заключение скандинавского военного союза может втянуть Швецию в военные бляки великих держав. Мы призываем весь шведский народ к борьбе за мир!»

В Африке, на которую в погоне за новыми морскими и военно-воздушными базами обратили свою активность заокеанские поджигатели войны, возникло мощное «Демократическое объединение Африки». В него входит больше миллиона активистов и миллионы сочувствующих.

И в самом царстве доллара, в Соединенных Штатах, несмотря на ежедневную «обработку мозгов» самыми сильнейшими отравляющими веществами лжи и клеветы, все больше и больше количество простых людей начинают понимать истинное положение вещей в мире. И обман Трумэна, на другой же день после выборов спрятавшего под сукно все свои широко-вещательные предвыборные посулы, несомненно, будет способствовать прогрессу империализма. Более август представитель прогрессивной интеллигенции США в своем обращении накануне открывающейся в марте в Нью-Йорке сессии деятелей науки и культуры в защиту мира заявили:

«Что бы мы ни думали относительно позиции Советского Союза в социальной, политической и экономической областях, мы считаем, что необходимо восстановить взаимопонимание и сотрудничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом... Единственным вопросом, достойным обсуждения, является вопрос о том, каким образом восстановить взаимное признание этого факта, который привел к победе во второй мировой войне и который один лишь способен предотвратить третью мировую войну».

Их немало, этих голосов. Слившись в единый хор, они заглушат скрежетание «машин смерти», пушечной поджигателей войны.

Эти голоса имел в виду И. В. Сталин, когда говорил о том, что попытка Черчилля и его друзей втянуть человечество в новую бойню будут обречены на позорный провал, ибо в мире слыны рады сторонников мира.

Чем яростнее и громче делается вой агрессоров, чем оживленнее становится война со всечасными атлантическими, средиземноморскими, ближневосточными и иными пактами, тем острее перед каждым человеком, желанным мира, возникает вопрос об активной борьбе с поджигателями войны. И тем острее стоит вопрос об объединении сил сторонников мира, прогресса и демократии. Для сплочения всех прогрессивных сил народов Международного комитета связи деятелей культуры в защиту мира, собравшийся в Париже, предложил созвать в апреле этого года всемирный конгресс сторонников мира.

Мы, советские интеллигенты, писатели, ученые, художники, музыканты, учителя, врачи, инженеры, верные ученики Ленина—Сталина, должны вести народом мира подлинную борьбу с нашей стране, о нашем народе и ити в главе прогрессивных сил, объединившихся под знаменем активной, действительной борьбы за прочный мир и за подлинную демократию.

Алексей СУРКОВ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 19 (2506)

Суббота, 5 марта 1949 г.

Цена 40 коп.

Вера ИНБЕР

В простор колхозных деревень,
В движенье городов
Международный женский день
Вступить уже готов.

Хотя снега еще лежат,
И воздух — не теплей,
Хотя в земле еще жажат
Зеленый блеск полей.

Но голубеют небеса,
Весенний ветер свеж.

Советских женщин голоса
Несет он за рубеж.

Подруги, там, за рубежом,
Примите наш привет!
Мы нашу дружбу бережем
От вражеских клевет.

Ни океаны, ни Памир
Нас не раз'единят,
Мы вместе борец за мир,
За звонкий смех ребят.

Чтоб затемненного окна
Не знал никто из них.

Чтобы смерти черная волна
Не поглотила их.

Чтоб не был атомный снаряд
Направлен на цветущий сад.
Чтобы банкир-делец
По счету получил сполна.
Для всех народов чтоб весна
Настала наконец.

Ксения ЛЬВОВА

ЗВЕНЬЕВАЯ

1.

Резкий ветер обжигал Насте лицо. Она спрянула свой острый нос зарумянившийся подбородок в теплый ворот зеленого ватника и засунула — рукав в рукав — озябшие руки.

Грузовичок валко покачивался, разбрызгивая дорожные лужи.

Кузов был загружен сеянцами древесных и кустарниковых пород. Они лежали рыхлой дружинистой кучей с повернутыми в одну сторону корешками, забавно прикрытыми мокрыми рогами.

На заднем борту кузова примостилась Яна Лукьянов, секретарь комитета комсомола колхоза «Ясный путь», где Настя была звеньевой лесопосадочного звена.

Име несколько раз хотелось поделиться с Настей впечатлениями от сессии сельсовета, с которой они возвращались. Но сквозь речетатый ворох сеянцев виднелось такое сердитое настороженное лицо, что Яна не решилась заговорить.

Насытившая «Одногокого гармониста», он принялся смотреть в степь.

Под хмурым, ненастным небом степь простиралась, ровная и пустынная, без единого кустика, со свинцово блестящей по низинам водой, с голубоватыми корками оживающей полыни... Местами тянулись густые, разрастающиеся омыи. В их изумрудной зелени шагали ряды купленных посадок подсолнуха, похожие на покосившиеся серые палки. Проплывали черные карты паров, голые прутья ползучих растений.

Настя слышала насытившие Яни и завидовала его умению оставаться ровным и спокойным при всех обстоятельствах жизни. Настя не могла так. Ее злило, возмущало, то, что этот грузовичок пришлось вымалывать чуть не на коленах в штормовых. Председатель колхоза Кузьма Авдечко отозвал Настю в транспорте, хотя отлично знал, что почва для новой лесопосадки подготовлена и сажать надо не позднее завтрашнего утра, иначе всю влагу упустишь.

«Удивительное дело, — размышляла Настя, — сколько можно человеку доказывать? Сушая правда слова Петра Васильевича: Выращивание леса в степи это прежде всего воспитание людей — от председателей колхозов и даже некоторых районных работников и до папушек».

Яна продолжала насытивать, Настя не выдержала и тихонько поддела.

Вет с поля ночная прохлала, С яблонь цвет облетает густой. Ты признайся, кого тебе надо, Ты скажи, гармонист молодой.

— Эй, Сизова! Уснула там? — посылался грубый голос шофера. — Какой дорогой поедет?

Настя выдернула руки из теплых рукавов и выглянула вперед.

Связь чаще рыжикника блестящее озеро. А за озером лежит поле «Ясного пути», где подготавливали почву для лесопосадки. Крайнейшая дорога — обогнуть озеро. Если же ехать по грейдеру, больше трех километров кроку.

Настя сказала об этом шоферу. Он круто притормозил и спустился в низину.

Вдруг колеса забуксовали. Мотор взревел и заглох.

Шофер выругался и, язвигнув дверцей, глянул на передние колеса. Яна спрыгнула в жидкую грязь, осмотрев уязвимые скаты и тихо сказал пугливо выглядывавшей из кузова Насте:

— В полголеса засосало. Делов тут до ночи. Мое предложение: перетаски с тобой сеянцы в лодку и перевезем.

Яна с Настей принялись, ухватив в болоте, перетаскивать в лодку свой драгоценный груз.

Лодку нагрузили так, что она черпнула воды.

— Держись! Поехали! — крикнул Яна.

Настя навалилась всем туловищем на ворох слабеньких прутьев, широко обхватив их руками с таким отчаянным видом, как-будто решила тонуть вместе с ними. Яна, осторожно и умело руля обломком вёсла, перевел лодку через озеро.

Румяный, с желтым курчавым чубом, выбившимся из-под кепки, спокойный, он не выказывал ни малейшего неудовольствия от нежелания наступных трудностей. Вместе с Настей он стал перетаскивать сеянцы из лодки в вспаханной полосе — с полдюжины от берега. И даже опять нежно поговестя «Одногокого гармониста».

Когда они перетаскали все, уже смеркалось.

— Ведь пришло надо сделать. Имень-

Писательница Ксения Львова закончила повесть «На лесной полосе», в которой показана работа по насаждению ползучих растений лесной полосе в колхозе засухливой степи. Повесть рисует опыт, накопленный колхозом до исторического постановления правительства и партии от 28 октября 1948 года, во второй своей части показывает широкий размах этих работ после постановления. Мы печатаем первую главу из этой повести.

Человек был без шапки, молодой, с копной русых волос, и с такими ярко блестящими голубыми глазами, что Настя прежде всего уставилась на эти глаза, и ей вдруг стало очень весело.

— Зачем столько назломи травы? — спросил он.

— Замой кату выметать.

— А дома помогаете?

— А то не помогаем. Картошку мотыжками около дома.

— Развели мы тут загон леса, — продолжал человек, кивнув на траву. — Бывали в лесу?

— А то не бывали. Там соловьи поют.

— Если мы будем за деревьями угаживать, то и здесь соловьи запоют.

— Где? Где? — расспрашивали ребята и разом окружили человека.

— А вот поглядите. Деревья тут, — сказал он и развел руками траву.

— Эх, правда. Надо здесь прополоть, — сказала Настя, вскинув голову, и увидела свое крошечное отражение в ярких зрачках человека.

На другой день школьники пришли на лесную полосу с мотыгами и не оставили ни одной травинки.

К осени на целый метр выросла лесная полоса.

Так эту полосу и стали называть школьной. Она ожив и росла быстро благодаря шесту ребят.

2.

Когда из райсельхозуправления предложили колхозу выдти специальное лесопосадочное звено, секретарь комитета комсомола Яна Лукьянов заявила на общем собрании, что комсомол «Ясного пути» берет шефство над лесопосадками и выдвигает звеньевую комсомолку Настю Сизову.

Жизнь Настя с тех пор стала бесперебойной борьбой.

По чем было трудней, тем больше Настя привязывалась к своему делу, ибо ничто так не заставляет любить свое дело, как борьба за него.

Особенно трудно приходилось в пору посадок. Ранней весной кто первый выбирался в поле, когда еще стояла вода? Лесопосадочное звено.

Полведерские звенья сидят себе дома, к почве подступиться нельзя — уязвены, а сажать деревья как раз самое время. Дороги непроезжие, погода не устойчивая — то льют дожди, то лент осадки, то морозы, — вот тогда добивается транспорта у Кузьмы Авдечки. Держи связь с питомником!

Или осень. Поля лежат пустые, в степи — пикное. Зябь давно вспахана, прокультивированы пары, утрами, словно соль, присыпана трава инем, уже поприемно толят печи, а лесопосадочное звено на своем посту — идет полным ходом осенняя посадка.

Двести дней в году продолжался так называемый вегетационный период, в течение которого лесопосадочное звено считало себя мобилизованным. Настя уходила за это время, голод у нее охрипал от недоспанных ночей, от постоянного пребывания на ветру. Она становилась резкой, требовательной, злой и не уступала ни погоде, ни председателю, ни бригадирам, если они пытались в горячую пору оторвать у нее людей из звена.

— Как же трудно, Петр Васильевич! — пожаловалась однажды Настя. — Неужели всегда так будет?

— Лесопосадочник должен быть устойчивым физически и морально, — отвечал Петр Васильевич. — Он работает для будущего. Это трудное и почетное дело.

В МТС собирали каждую зиму звеньевых лесопосадочных звеньев на семинар. Лекторы рассказывали о травопольной системе земледелия, о влиянии лесопосадки на урожай хлеба; о том, что такое лесной режим, наступающий в лесных полосах после того, как сомкнутся кроны.

Особенно понравившиеся сведения Настя записывала себе в тетрадку.

Очень нравилась ей слова: «когда сомкнутся кроны...» Они оказывали на нее какое-то особенное действие, вероятно, потому, что в этих словах скрывалось то будущее, на которое она работала.

Она создавала его собственными руками каждый день и знала, что оно будет прекрасным. Оно было совсем близко, оно росло на ее глазах, в нем — в этом будущем — был вложенный труд советской женщины, преображенный прирост, создающей красоту и радость на родной земле.

3.

Познакомилась Настя Сизова и некоторые другие члены ее звена с Петром Васильевичем, — через него и с лесом в степь, — когда была еще школьницей.

Стояло начало июня. Школьники разбрелись в траве, еще полной весенней свежести. Рвали цветы и не забывали наломать к зиме венчиков из черныбыла.

Вдруг все замечталось в высокой траве стоял человек. И побежала прямо к нему.

Жизнь и дела Агриппины Пармузиной

В украинском селе Новые Вирки, Белопольского района, Сумской области, строится детский дом для сирот, родители которых погибли в годы Великой Отечественной войны. Этот дом строит на свои личные сбережения колхозница Агриппина Пармузина.

О жизни и делах этой замечательной советской женщины сообщаем нам по телефону секретарь Белопольского райкома КП(б)У В. Фелотов.

— Имя Агриппины Пармузиной, — сказал он, — знает весь Советский Союз. Десять лет назад она получила свою первую награду — орден Трудового Красного Знамени. Правительство неоднократно удостоивало ее высоких наград. Ее присвоено звание Героя Социалистического Труда. 600 центнеров сахарной свеклы с гектара, 300 центнеров картофеля, 30 центнеров пшеницы, 18 центнеров южной конопля — такие урожаи звено Пармузиной собирает из года в год. Однажды Агриппина Антоновна собрала 1100 центнеров сахарной свеклы с гектара. Такого урожая мир не знал!

Пармузина — смелый новатор. В 1938 году, когда в нашем районе впервые начали разводить кок-сагиза, она взялась за изучение этой совершенно новой культуры. В то время не было еще научно разработанной агротехники кок-сагиза, Пармузина сама разрабатывала эту новую агротехнику.

Уже на следующий год звено Агриппины Пармузиной собрало с каждого гектара по 223 килограмма семян (это 75 плановых заданий) и по 73 центнера корней. Чтобы понять значение этой цифры, достаточно сказать, что в то время обычным урожаем считались 4—5 центнеров корней с гектара. В 1945 году она собрала с 132 центнера корней кок-сагиза с гектара. В годы войны на свои средства А. Пармузина купила самолет. Всего во время Великой Отечественной войны она внесла в фонд обороны 120000 рублей.

Труд — гордость и слава этой колхозницы. Агриппине Антоновне 65 лет, но она продолжает самоотверженно работать в колхозе «Большевик». В 1948 году с трех гектаров Пармузина собрала по 707 центнеров сахарной свеклы, вырастила прекрасный урожай картофеля и кок-сагиза.

За свою замечательную работу А. Пармузина получает большие доходы. Сегодня она дает свои денежные сбережения на строительство дома для сирот. В ее родном селе, среди зелени вырос уже белый сруб этого дома.

Солнечный день Казахстана

произведения казахских писателей на русском языке

В апреле текущего года в Москве назначена декада казахской литературы. К декаде Гослитиздат выпускает на русском языке ряд произведений казахских писателей.

Следом в печать выходит сборник поэмы «Солнечный день Казахстана». В сборник вошли произведения А. Токамоганбетова, Т. Жарокова, А. Тажибаева, Д. Абдыла, К. Аманжолова, Г. Орманова, К. Сатыбалдина, А. Сарсенбаева, Х. Бекхожина, К. Шантубаева и О. Мауленова.

Кроме того, в сборнике помещены партизанские песни Жумагали Саяна, борющегося против фашистов в рядах украинских партизан, стихи поэта Абдулы Жумагалиева, погибшего на фронте, и посвященная ему поэма К. Аманжолова — «Абдула».

Произведения, вошедшие в сборник, созданы за последнее десятилетие. Вступительную статью к книге написал Л. Соболев.

Отдельным изданием выходит поэма казахского писателя Сабита Муканова «Сулдуш» (авторизованный перевод Н. Сидоренко).

Научные доклады студентов о Пушкине

ЛЕНИНГРАД. (По телефону). Открылась традиционная ежегодная научная конференция студентов Ленинградского университета имени А. А. Жданова. Студенческое научное общество организовало в университетские четыре года назад. Сейчас оно имеет свои отделения при всех 13 факультетах. В кружках общества сотни студентов готовятся к самостоятельной научной деятельности.

Научная конференция, в работе которой принимают участие академики и профессора университета, слушает на секционных заседаниях более 200 докладов. На первых пленарных заседаниях выступают: членкорреспондент Академии наук СССР М. Алексеев с докладом «Пушкин и русский народ» и ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза советских писателей доцент университета А. Деметьев с докладом «За большевистскую партию» в театральном и литературном критике.

150-летию со дня рождения А. С. Пушкина посвящаются заседания филологического секции. Студент 5-го курса Моисеев прочтет свою работу о языке трагедии «Борис Годунов». Доклад «Пушкин-журналист» сделает студент 3-го курса отделения журналистики Маршалев.

Лучшие из научных докладов, сделанных на конференции, будут выпущены в изданиях университета.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ Рогачев (Московская область). Колхозники и сельская интеллигенция Коммунистического района широко отметили 15-летнюю годовщину со дня смерти своего земляка — писателя С. П. Подъячева.

В селе Подъячево состоялось заседание, посвященное памяти писателя. С докладом о значении и творческом пути С. П. Подъячева выступил директор семилетней школы В. Туголуков. Колхозник И. Якунин в дорожной мастер И. Скаркин рассказали собравшимся о своих встречах с писателем.

Беседы о творчестве Подъячева были организованы в районном доме пионеров, в колхозах и МТС.

◆ Ереван. Президиум правления общества по распространению политических и научных знаний Армении принял в действительные члены общества мастеров высоких умений Героя Социалистического Труда М. Саркисяна, С. Униана и С. Варяняна. В городах и селах республики за последний год было прочтено около 2500 лекций, которые прослушало более 300000 трудящихся.

◆ Казань. Здесь состоялась читательская конференция, на которой обсуждался роман татарского писателя Г. Баширова «Ризина «Намус» («Честь»), посвященный героическому труду колхозников в дни Великой Отечественной войны. На конференции приняло участие более 200 человек — писатели, библиотекари, интеллигенция Казани

Каждый второй рабочий — рационализатор!

В 1949 году каждый рабочий, инженер, техник предприятий автомобильной и тракторной промышленности за счет рационализации и изобретательства даст государству в среднем по 700 рублей экономии.

Эта цифра взята из плана рационализации и изобретательства Министерства автомобильной и тракторной промышленности СССР.

В 1948 году на заводах авто-тракторной промышленности поступило 63.245 рационализаторских предложений. В полтора раза увеличилось количество изобретений. И в то же время годовая экономия от внедренных предложений увеличилась по сравнению с 1947 годом на 31 процент, составив более 150 миллионов рублей.

На Горьковском автозаводе имени Молотова на каждое сто рабочих приходится в среднем по 63 предложения. Здесь каждый второй рабочий является рационализатором!

Новый план призвал к жизни десятки новых организационных форм. В Москве, Харькове, Горьком, Куйбышеве, Сталинграде, Миассе, Чкалове были проведены курсы совещания рационализаторов и изобретателей, в которых участвовало 3.725 человек. Недавно закончился конкурс на изобретение, улучшающее качество продукции. В числе премированных на конкурсе — работа слесаря владимирского завода «Автомобиль» тов. Шербакова, который создал спидометр новой конструкции.

Задачи советской драматургии и театральная критика

Конст. СИМОНОВ

Советский народ требует, чтобы наши драматурги показывали главное в нашей стране и в советском человеке. Нам нужно показать наше могучее, красивое, активно действующее общество, отличающееся, между прочим, тем, что оно уверенно умеет заглядывать в свой завтрашний день. Мы должны изобразить нашего особенного советского человека во весь его рост. Тем самым мы покажем и все, что этому человеку грозит. И именно на этом пути мы найдем и конфликты, которые, конечно же, необходимы в драматургии, без которых ее просто-напросто нет и не может быть.

Пьеса — это самая строго и сложно организованная литературная форма. Драматургия — вид литературы, который не может вырваться за пределы 3—4 часов зрительского внимания и семидесяти-восьмидесяти страниц текста. На этих страницах должны быть начало и конец, характеры людей и облик времени, должно происходить что-то такое дорогое и важное, в чем сосредоточились бы опыт и размышления многих лет жизни драматурга.

Предметом изображения писателя в таком экономном, строгом виде искусства, как драматургия, должны служить большие события, острые и глубокие конфликты и сюжеты.

Эти сюжеты в наших условиях на каждом шагу рождает жизнь страны, прошедшей сквозь грозные испытания и понимающей сейчас в гору с небывалой силой. Громадное количество жизненных сюжетов дает нам наша борьба за построение коммунизма, борьба против всех попыток американского империализма помянуть нам в этом.

Советский драматург должен даже на самые, казалось бы, рядовые дела глядеть с позиций этой большой борьбы, этого громадного мирового конфликта между передовым и отсталым.

С этих позиций мы увидим, что, идя по верной дороге, передовая часть нашей драматургии еще испытывает большие трудности в изображении той жизни, которую она стремится показать во всем ее величии и красоте.

Я отнолю не думаю, что последние пьесы А. Корнейчука, Б. Ромашова, А. Софронова, Н. Симонина, П. Вирты, А. Сухова, В. Коженикова, А. Штейна свободны от недостатков, что они полностью отвечают всем требованиям, которые предъявляет нашей драматургии народ.

Мы бы очень хотели, чтобы в «Макаре Дубраве» Корнейчука остальные герои были бы написаны с таким же мастерством и с такой же силой, как сам Макара. Мы бы не хотели, чтобы «Московский характер» Софронова кончался так, как он кончается: вечеринкой, на которой присутствует начальник планового отдела, человек, ярко показанный автором, как жулик, а в финале неизвестно зачем вдруг административный.

Мы бы хотели, чтобы в «Зеленой ушанке» Сухова профессор Дроздов не напоминал бы своими интеллигентскими покаяниями профессора Бородина из агитпроповского «Страха», а был бы написан в своем роде, но так же по-новаторски, как отменно написан Сузовым академик Кубцов.

Мы думаем, что в «Русском вопросе» Симонов мы бы меньше занимались разведением личности хертовских корреспондентов и глубже и острее показать этих корреспондентов в их реальной повседневной антисоветской деятельности.

Мы бы хотели, чтобы в «Хлебе нашем насущном» Вирты с большей силой, с большим мастерством были бы написаны некоторые из положительных героев.

И мы будем говорить об этих существующих недостатках для того, чтобы уметь их и не допускать этих недостатков в будущем.

Ради этого будущего советской драматургии мы будем и критиковать друг друга, и творчески спорить, и прямо, честно, бескомпромиссно указывать на промахи своих товарищей по работе. И все это мы будем делать с единственной целью: помочь советской драматургии.

Советская драматургия находится на правильном идейном пути. И сейчас речь идет о необходимости повысить уровень нашего художественного мастерства.

Нельзя канонизировать всякую форму, в которую вошло новое содержание. Форму надо искать упорно, требовательно, исходя из интересов содержания, из стремления наиболее полно и в то же время экономно его выразить.

Глубокомысленные разговоры о повествовательности нашей драматургии — это бредня растерявшихся людей, которые сами не справились с драматургической формой и хотят, чтобы их примеру последовали и другие, ибо так называемая повествовательность в драматургии — это, прежде всего, слуха хлебно-художественных позиций.

Проблема драматургического мастерства требует решения двух основных задач, с нею тесно связанных.

Первую из них я хочу пояснить на одном конкретном примере. В Ажаеве написан роман «Далеко от Москвы». Ему законно советуем сделать из этого романа пьесу. Это совет правильный — он предостерегает нас от желания увидеть на сцене людей, понавившихся читателям. Но как передать этот роман в пьесу, вернее, как написать пьесу о том, о чем написан роман? В старом понимании «вешей» дело свелось бы к очень простой операции: одна из любовных линий романа легла бы в основу пьесы, а где-то там, за сценой, в виде зыбкого фона проходило бы строительство нефтепровода.

Но советский зритель не простит автору, если из пьесы уйдет главное — пафос строительства, преодоление громадных трудностей, воля, темперамент, острота людей, связанных с этой работой и проявляющих именно в ней.

Пример с романом Ажаева — это только пример. Каждый из нас, принимающий писать новую пьесу, видит перед собой те

же трудности, что встанут перед Ажаевым, если он будет переделывать свой роман в пьесу. Ведь в каждой своей новой драматургической работе мы должны поднять не менее глубокие пласты жизни, чем те, какие показал читателю Ажаев в романе. В этом как раз и состоит цель и новаторское существо нашей современной драматургии. Владеть в наши пьесы громадное содержание жизни, ничего не облегчать, не идти в этом смысле ни на какие уступки — в этом и состоит первая трудность освоения нового драматургического мастерства и в то же время первая его задача.

Вторая задача тесно связана с первой. На протяжении многих десятилетий почти все, что заслуживало внимания драматурга в жизни человека, происходило вне его работы, общественной деятельности, и это было закономерно в той мере, в какой труд при капитализме является тягостным делом, бременем, подневной. Человек социалистического общества интересен советскому драматургу прежде всего своим новым отношением к труду. Этот человек не может быть показан вне труда. Его общественно-трудовая деятельность, питающая основные конфликты и сюжетные положения, и должна быть главным содержанием пьесы.

Как показать деятельность человека нашего общества, которая, скажем, для врача, агронома, домостроителя связана с их профессиями, как это сделать, не примитивизируя ее, не опрощая, давая широкую возможность героям пьесы говорить о своем труде так, как они говорят в жизни, и в то же время так, чтобы все это было интересно, увлекательно для зрителей в театр людей любых профессий? Как показать все это так, чтобы главное в деятельности советских людей — ее коммунистический смысл — был ясен для всех? В этом и состоит вторая идейная задача, которую можно решить только смелым новаторством, совершенствуя свое мастерство драматургического писателя.

Продолжать выдвигать по намеченному партийному большому пути, решать основные проблемы, связанные со строительством коммунизма, и именно на решении этих проблем совершенствовать свое мастерство, — вот цель, стоящая перед нашей драматургией в области драматургии.

Перед нами стоит задача создания боевой советской теории драматургии и театральной критики.

Говоря о принципах советской драматургии, надо сказать о ставшей хроникой за последние время теории бесконфликтности советской драматургии.

Если взять всю практику советской драматургии, начиная от «Любовь Яровая» К. Тренева и кончая «В одном городе» А. Софронова, если взять в этих пределах любую выдающуюся пьесу советских драматургов — «Мой друг» П. Погодина, «Фронт» А. Корнейчука, «Наместник» Л. Леонова, «Далеко от Сталинграда» А. Сухова, — то во всех этих пьесах заложены глубокие, острые, серьезные конфликты, наивно опровергающие теорию бесконфликтности советской драматургии.

Откуда родилась эта теория? Она obviously пышно расцвела после войны, когда критики-антипатриоты заявили, что после войны, то-есть с исчезновением из пьесы внешнего врага — немецкого фашиста с автоматом, — конфликты в советской драматургии кончились.

Базой для этой лживой теории послужило моральное капитализм людей, мечтающих об этаким мирной послевоенной жизни, освещенной чуть ли не напактом ненападения на буржуазные порядки и разлагавшейся буржуазное искусство. Только капитализм, только люди, мечтающие жить в тишине и в ладу с воинствующей буржуазной идеологией, могут не понимать или делать вид, что не понимают, какую остроту приобрели все существующие в действительности конфликты именно сейчас, в послевоенное время.

Если расценивать каждый наш успех, от самого маленького до самого громадного, как очередную победу в борьбе с мировой реакцией, если рассматривать каждое завершенное строительство как вклад в эту борьбу и каждое противодействие этому как волевое или невольное, но в конце концов, победительное нами врагам, — то как же можно говорить об отсутствии конфликтов в нашей действительности?

Вторая проблема, в которой тоже было много путаницы и на разработку которой следует особое внимание обратить нашей боевой теории советской драматургии, заключается в так называемой театральности, сценичности пьес.

Есть одна безусловная истина: пьесу должно быть интересно смотреть. С этим и только с этим могут быть связаны все разговоры о сценичности и театральности.

Но в слове «интересно» в разные времена вкладывались совершенно разные понятия, потому что совершенно различным был круг интересов зрителя.

А что такое круг интересов нашего зрителя? Разве его можно сравнить с интересами зрителя в капиталистических странах или зрителя довоенного русского театра, или, наконец, зрителя даже нашего театра двадцать или десять лет тому назад?

Вместе с движением советского народа к высотам коммунизма этот круг интересов расширяется, и самые интересные становятся все глубже, все серьезнее, они все больше приобретают глубокую общественную значимость.

Спрашивается, не пора ли пересмотреть старые понятия театральности и сценичности с точки зрения реально существующего сегодня круга интересов нашего зрителя?

С какой стороны могут интересоваться советского рабочего или ученого типичные сюжетные схемы, механически перемещенные из буржуазной драматургии? Эти-то схемы, абсолютно оторванные от нашей жизни, и оказываются неспасенными и неинтересными.

Советский зритель желает видеть на сцене правду о времени и о себе, о своей стране, активным строителем которой он является.

И, строя боевую теорию советской драматургии, мы должны основательно поработать над проблемами сценичности и театральности в новом понимании, которое мы должны вкладывать в эти слова.

Что же касается критики, то хватит с нас крокодиловых слез по поводу того, что в советской драматургии мало талантов, и готенотских пласок вокруг первой же попавшейся на глаза ошибки драматурга, а то и просто вокруг не завершенной еще ни драматургом, ни театром работы, как это произошло недавно с «Зеленой ушанкой» Сузова в Художественном театре.

Театральная критика должна быть в чистых руках людей, заботящихся о процветании нашей драматургии, о ее росте. Таких людей у нас много, и если в силу той искусственной кастовости, которую стремились создать группа критиков-антипатриотов, случился так, что именно в театральной критике сегодня нехватает кадров, то мы, безусловно, найдем их в нашей театральной критике в целом.

Советская театральная критика должна творчески освоить и критически изучать, показать то громадное богатство, которое у нас есть и которое мы по сию пору недостаточно еще оценили. — классическое наследие великой русской драматургии. Наше литературоведение и критика до сих пор еще оставляют в тени великую русскую классическую драматургию, которая по своей мощи, демократичности, по своей близости к народным интересам в такой же степени, как и наша проза, имеет основную вне всяких сомнений считается вершиной мировой драматургии XIX—XX веков.

В самом деле, вспомним то богатство, которыми мы обладаем: «Борис Годунов» Пушкина, «Ревизор» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Маскарад» Лемонтова, знаменитая трилогия Сухова-Кобылина, могучая драматургия Островского, драматургия Чехова, громадной действительной силы драматургия Горького, не говоря уже о многих блестящих пьесах и Тургеня, и Льва Толстого, и Салтыкова-Щедрина. Какая литература мира в XIX и XX веках может похвалиться такой плеядой писателей, создавших высочайшие образцы драматургической литературы?

Ни поверхностная французская драматургия прошлого века, драматургия Дюма, Скряба и Либина, наиболее крупным представителем которой был ограниченный буржуа Ростан, ни английская драматургия, в которой одиноко возвышается фигура Шоу, ни даже скандинавская драматургия, представляющая по-настоящему, в конце концов, только одним Ибсеном, — ни одна из этих драматургий, сама по себе, ни все они вместе взятые, не являют такого богатства первоклассных произведений, такой широты постановки больших идейных проблем, такого охвата народной жизни, какие мы видим в русской классической драматургии.

Между тем, мы в нашем литературоведении до сих пор не говорили во весь голос об этом не подлежащем никаким сомнениям приоритете русской классической драматургии. А сделать это необходимо. Нужно исследовать русскую классическую драматургию, русский театр не так низкопоклоннически, как это делалось до сих пор в ряде книг георетиков. Это исследование надо проводить широко, с чувством законного собственного достоинства и гордости за нашу великую драматургию и великий театр.

До сих пор даже в тех книгах и статьях, где говорилось о великом, непревзойденном искусстве Малого и Художественного театров, не ставился по-серьезному ни обходился вовсе вопросы о том, на какой же почве они выросли, почему эти лучшие в мире театры появились именно в России? Не потому ли, что они уходили своими корнями в почву лучшей в мире великой русской драматургии XIX и XX веков?

Негласная, но явно прощупываемая во многих литературоведческих работах теория о том, что якобы в нашей классической литературе нет драматургии, равноценной нашей прозе или поэзии, — это теория ложная, связанная своими корнями с низкопоклонством перед Западом, с тем, что, дескать, русский классический роман завоевал мировое признание, а русская драматургия не завоевала, и, исходя из этого, о ней нельзя говорить с таким пиететом, с каким говорится о русском романе.

Западный театр — самый архибуржуазный из всех видов буржуазного искусства. Этот театр, который неизмеримо выше нашего, который давно разучился по-настоящему ставить Шекспира и не научился ставить Островского и Горького, просто-напросто не дорос до этого. Но только низкопоклонники могут на этом основании делать вывод о спорности мирового значения русской драматургии.

Игнлалитическое, космополитическое развязное отношение к ценностям, созданным русской классической драматургией, влияло, к великому сожалению, на наши театры и на их репертуар. Иные театры годами не показывают своему зрителю классических произведений русской драматургии.

Если не говорить о Малом театре и о Художественном театре, мы приходим к выводу, что очень многие театры игнорируют великого русского драматурга Островского. Московский театр драмы за последние десять лет поставил всего одну пьесу Островского, Камерный — одну, театр Ленинского комсомола — ни одной.

За десять лет театр Вахтангова, театр Советской Армии, театр Драм, Камерный театр поставили или всего по одной пьесе Горького или ни одной.

Из 500 периферийных театров «Ревизор» идет всего в 23, «Горе от ума» — в 13, «Егор Булычов» — в 25, «Враги» — в 8. Самую высокую цифру дает «Мещанин» и «Бесприданница» — 47 и 51. Но и это всего только 51 из 500, причем по сведениям за целых два года — 1947 и 1948.

Театрам и Комитету по делам искусств следует пересмотреть практику постав-

ки пьес классического русского репертуара — практику, при правильном осуществлении которой золотой фонд русской классики должен стоять в репертуаре рядом с лучшими современными советскими пьесами.

Необходим резкий перелом в практике публикации пьес как журналами, так и издательствами. Все очень просто: пьесы должны печататься в журналах, должны выходить книгами, причем не только малыми тиражами в издательстве «Искусство». В тех случаях, когда пьесы этого заслуживают, их надо выпускать в больших издательствах и массовыми тиражами.

Пьесы должны перестать быть в основном стенографической литературой, выходящей на 95 процентов в стенографированном при Управлении по охране авторских прав. Не чем иным, как только непониманием места драматургии в советской литературе, можно объяснить то, что за последние десятилетия в издательстве «Советский писатель» вышел всего один сборник пьес. Вот уже два года в издательстве выходит серия лучших произведений советской литературы за тридцать лет, появилось на свет сто книг, но в их числе до сих пор не вошла книга пьес такого крупнейшего советского драматурга, как Корнейчук, не вошел сборник пьес Погодина. Драматургия, являющаяся в творчестве некоторых писателей важной составной частью, не вошла в сборники их произведений.

Тот же самый упрек следует отнести и к большинству наших журналов, за последние годы почти не печатавших пьес, и в первую очередь к «Новому миру», редактор которого, сам будучи драматургом, за два с половиной года напечатал только одну пьесу. На страницах «Знамени» и «Октября» тоже, к сожалению, редко попадали лучшие драматургические произведения последних лет.

Разве не полезно будет, если журналы, на страницах которых начинают печататься пьесы, параллельно с театром будут помогать автору, требовать от него литературного совершенствования пьесы, предъявляя к ней без всяких скидок те высокие требования, которые предъявляются к любому другому произведению, печатающемуся на страницах журнала.

И, наконец, несколько слов об идейном лице театра, в который мы приносим свои пьесы. Речь идет не только о художественной, но и о политической ответственности театра, режиссера, актеров за их работу над советской пьесой.

Мы знаем, например, как неудачно были поставлены в некоторых ленинградских крупных театрах такие пьесы, как «Закон чести» и «В одном городе», великолепно прошедшие в Москве; неудачно поставлены потому, что к постановке пьес подошли в этих случаях равнодушно, прохладно, без страсти и без достаточного чувства политической ответственности.

Новая советская драматургия должна вызвать к жизни в театрах новые режиссерские кадры. Нет ни одной области нашего советского искусства, где было бы такое совершенно нетерпимое положение с выдвижением молодых кадров, как в области режиссуры.

К сожалению, в последнее десятилетие режиссерский факультет Государственного института театрального искусства в значительной степени работает всхолостую.

Тринадцать мастеров советского театра, из которых половина — художественные руководители московских театров, за десять лет выпустили за режиссерскому факультету 300 человек, из них половину с отличными оценками. Спрашивается, кто из этих выпускников за эти десять лет поставил спектакли в тех театрах, руководителями которых являются их бывшие преподаватели, давшие им отличные выпускные оценки? Из трехсот человек мы назовем всего два имени.

Не все люди, которые возглавляют сейчас театры, в частности, и некоторые московские театры, могут руководить их работой на высоте тех идейных задач, которые ставит партия перед советским искусством.

Нельзя отрицать громадного опыта и достижений наших старших режиссеров. Но разве не распыли бы театры, если бы рядом со старыми мастерами, обогащаясь от них и обогащая в свою очередь их самих, работали молодые режиссеры, люди, много повидавшие и испытавшие за последние годы и, несмотря на свою молодость, обладающие большим жизненным опытом.

Мы — участники огромного всемирного процесса, нового по всему своему историческому содержанию. О какой гордости, с каким сознанием величия своих целей мы должны улавливать это новое, воплощая его в художественные образы и тем самым помогая его развитию!

Товарищ Сталин на XV съезде ВКП(б) говорил:

«Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое ожившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития. Не отмирает и не выживает открыто и честно, как это подобает большевикам, нечестно и в обиду в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. Ну, а мы хотим двигаться вперед!»

Это положение мы можем целиком применить к себе, к работе нашей литературы и драматургии. С помощью партии, под руководством Центрального Комитета, при постоянной личной заботе и внимании товарища Сталина к нашему искусству и литературе, мы можем постановленные перед нами задачи, и никто и ничто не сможет нам помешать создать драматургию, достойную великой эпохи строительства коммунизма.

НЕУВАЖЕНИЕ К ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В Высшем военно-морском инженерном училище имени Дзержинского основным руководством при изучении курса сопротивления воды движению корабля до сих пор считается учебник профессора И. Г. Хановича.

Автор — советский ученый. Однако содержание написанной им книги таково, что она гораздо больше подходит на перевод какого-то иностранного издания, чем на советский учебник, выпущенный Воениздатом.

Все внимание И. Хановича уделяет работам, проводившимся за границей, и иностранным ученым. Книга пестрит именами, английскими именами, иностранной терминологией, названными иностранными городами. Имена русских ученых на ее страницах встречаются крайне редко. Как правило, автор упоминает о них только в порядке отсылки, в тех случаях, когда без этого уже совсем нельзя обойтись. В потоке иностранных имен, в полном смысле слова, тонут немногие ссылки на отечественные работы.

Учащиеся находят в этом учебнике сообщения об Английском национальном, Гамбургском и Вашингтонском бассейнах, об опытах, проводившихся Шенхерром, Визельбергером, Джиббонсом, Геберсом, Кемпфом, Бофу, Фрудом, Карманом, Кесселем и т. д., но напрасно стали бы они искать здесь сведения о достижениях отечественной науки.

В параграфе 31 (стр. 295—302) детально описывается аэродинамическая труба, построенная в 1916 году в геттингенской лаборатории проф. Прандтля; тут же приводятся чертежи этой трубы, схема трехкомпонентных аэродинамических весов Прандтля, продольный разрез трубы Лигт-Прандтля, манометр типа Прандтля, внешний вид и продольный разрез американской трубы переменного давления, но нигде не говорится о том, что первые аэродинамические трубы были созданы русскими учеными — К. Э. Циолковским (1896 г.) и Н. Е. Жуковским (1902 г.).

Говоря на стр. 284 об основной теореме теории крыла, Ханович только в скобках упоминает о том, что она принадлежит Николаю Егоровичу Жуковскому. Характерно, что даже в специальном параграфе, названном «Теорема Жуковского о подъемной силе. Схема возникновения циркуляции вокруг крыла», автор не считает нужным добавить к фамилии великого русского ученого хотя бы его инициалы, не говоря уже о полном имени.

* И. Г. Ханович, «Сопротивление воды движению корабля», Военное издательство Министерства Вооруженных Сил СССР, 1948, 318 стр.

Зато о Вильяме Фруде в учебнике не упоминается со всеми подробностями, вплоть до описания его дома.

Поистине, какое дело безродным космополитам до того, что делала, где творил, чему посвятил многие годы жизни великие деятели русской науки!

Автор назойливо внушает читателям, что только в результате опытов Оуэра выяснилась необходимость введения поправочного коэффициента при измерении скоростного напора. О каких опытах Оуэра говорит И. Ханович, остается неизвестным, но зато специалистом совершенно точно известно, что необходимость во введении такого коэффициента была очевидна и без опытов Оуэра.

В учебнике Хановича дается описание только иностранной аппаратуры. Даже обычного манометра автор не смог найти в СССР. В учебнике приводится описание манометра геттингенской лаборатории. Трудно представить себе что-либо абсурднее, так как у нас имеются тысячи манометров советской конструкции, но вряд ли найдется более чем два-три геттингенского образца.

Характерен выбор литературы, рекомендуемой И. Хановичем советским студентам. В первой главе имеется 17 ссылок на иностранные работы и только пять на работы русских авторов. Из них три связаны с именем самого Хановича. Автора мало заботит то, что подавляющее большинство названных им иностранных работ представляет библиографическую редкость, а некоторые работы, кроме путаницы, ничего не могут дать нашим студентам, и рекомендовать эти работы бесполезно. Он пытается доказать, что проблему сопротивления воды движению корабля развивали, главным образом, иностранные ученые, а в России ею занимается преимущественно один Ханович.

Проф. И. Ханович проявил блестящие познания по части иностранных достижений и поразительную неосведомленность относительно всего, касающегося развития науки у него на родине.

Читая книгу Хановича, никак не можешь представить себе, что этот учебник издан Воениздатом для советских вузов, что он написан советским автором, что его рецензировали и редактировали советские люди.

В. ДАНИЛЕВСКИЙ,
действительный член Академии наук УССР

И. ПОВХ,
кандидат технических наук

ЛЕНИНГРАД

Антарктический материк открыт русской экспедицией

На заседании Ученого совета Института географии Академии наук СССР.

Вчера в Москве состоялось заседание Ученого совета Института географии Академии наук СССР. Директор института академик А. Григорьев выступил с докладом «Открытие Антарктического материка русской экспедицией Беллинсгаузена—Лазарева 1819—1821 гг.»

Попытки капиталистических государств решать без участия СССР вопрос о режиме Антарктики вызвали резкий протест советской общественности, — сказал докладчик. — Состоявшееся в Ленинграде 10 февраля 1949 года общее собрание Всесоюзного географического общества вполне справедливо считает, что вопросы Антарктики должны решаться прежде всего теми государствами, которые имеют историческое право участвовать в таком решении.

Основываясь на подлинных исторических документах, академик А. Григорьев подробно осветил научные достижения русской антарктической экспедиции на шлюпах «Восток» и «Мирный».

Докладчик убедительно доказал, что экспедиция трижды подходила к матерку в январе и феврале 1820 г. и сделала ряд новых открытий в 1821 году (открытие островов Петра I, берег Александра I и др.). Обогнув Антарктику по замкнутому кругу, экспедиция Беллинсгаузена — Лазарева

ва после 751 дня путешествия 24 июля 1821 года вернулась в Кройштадт.

В прениях по докладу выступили проф. А. Андреев, проф. В. Лавров, научные сотрудники Института географии Д. Лебедев, А. Ульянов, Л. Каманин.

Ученый совет в своей резолюции подчеркивает, что экспедиция Беллинсгаузена — Лазарева, посланная правительством России в 1819 г. в южные приполярные широты со специальной целью исследовать этот район и работавшая там в течение двух лет, впервые установила наличие к югу от 65-го градуса южной широты обширной суши и открыла материк Антарктики.

Это исключительное научное открытие, как и открытие экспедицией Беллинсгаузена—Лазарева многих неизвестных до того островов Антарктического континента, дает СССР неоспоримое право участвовать в решении всех вопросов, связанных с режимом Антарктики. Ученый совет Института географии Академии наук СССР считает, что принятые решения по указанному вопросу без участия СССР являются несостоятельными и незаконными. Ученый совет полностью присоединился к нашедшему широкий отклик советской общественности решению общего собрания Географического общества СССР от 10 февраля 1949 года.

В Союзе советских писателей СССР

Обсуждение пьесы А. Софронова «Московский характер»

2 марта в Центральном доме литераторов обсуждалась пьеса А. Софронова «Московский характер» и спектакль в Государственном академическом Малом театре. В злоровой творческой обстановке обсуждение шло серьезно, горячо, с подлинно партийными позициями.

Докладчик Е. Сушков отметил, что движущее начало пьесы — идея партийности. Автор пьесы показывает закалку коммунистического сознания, воспитание партийного отношения к действительности, торжество советского партийного мировоззрения. В пьесе идет бой с Потаповым за Потапова, чтобы вытравить в этом честном, кое в чем общающемся коммунисте последние черты обывательщины. Малый театр блестяще поставил пьесу, потому что коллектив театра правильно понял ее идею.

Е. Сушков указал также на некоторое примиренческое отношение автора к своему отрицательному герою — начальнику планового отдела Зайцеву.

Выступивший затем А. Сувор упрекнул докладчика, что тот мало сказал о драматургическом мастерстве А. Софронова, который рискнул создать и создал комедию нового типа, ломающую сложившиеся каноны, старые устои. Это комедия характеров и больших конфликтов.

Народная артистка РСФСР Е. Гоголева возлюбно рассказала о своей работе над ролью в пьесе. Автор писал с горячим сердцем, — говорит она, — оттого и артисты горячо откликнулись на пьесу. Враги-космополиты, злобно охаявая «Московский характер», хотели вбить клин между актерами и драматургом, но им это не удалось. — Е. Гоголева отметила, что у нее и у других артистов Малого театра растет и крепнет желание играть в современных

пьесах. — Мы благодарны партии, — говорит артистка, — которая, расправившись с космополитами, расчистила дорогу к победам великого советского искусства.

Постановщик спектакля народный артист РСФСР А. Дикин говорил о том, что весь коллектив театра с увлечением работал над пьесой. «Московский характер» — новый вид драматургии. Наша драматургия — золотой фонд человечества, она будет изучаться столетиями. В Малом театре уже прошла 64 советских пьес. Современный репертуар занял прочное, крепкое место, и в этом нам помогла партия.

Вс. Вишневский уделял главное внимание художественным особенностям пьесы. В «Московском характере» каждая реплика рассчитана, все конструктивно связано. Подымая большие этические темы, эта правдивая, идейно насыщенная и многоярусная пьеса дает ощущение душевного здоровья, цельности, силы.

А. Софронов говорил о том, как радостно чувствовать, что воздух нашего искусства очищается от злой заразы космополитизма. У всех усилилось желание работать. Каждый писатель, который своим творчеством помогает народу, всегда будет поддержан партийной критикой. Прямые, честные отношения устанавливаются между драматургами и критиками.

А. Софронов выразил большую благодарность Малому театру за то доверие, которое тот оказал его пьесе. Малый театр развивает традиции Островского, драматургия могучего, сильного русского народа. Это правильный путь, хорошая традиция.

В обсуждении пьесы приняла участие К. Флян, И. Ошанин, П. Тур, В. Пименов, директор Малого театра Л. Шаповалов и другие.

Путь чехословацких женщин

«Единый союз чехословацких земледельцев проводит в течение зимы курсы для женщин по вопросам, интересующим крестьянок».

Сухое объявление в газете. Крестьянки придут на курсы, побудут там и вернутся домой. Казалось бы, что в этом особенного?

Но когда народ переживает свою весну, жизнь кипит и в малых событиях. Весной соки текут из корней к ветвям.

...В лесу у шоссе стоит прекрасный отель с венецианскими окнами. Здесь есть зимний сад, балконы, пальмы в комнатах, уютные уголки. Когда-то здесь собиравшиеся скачущие буржуа. Теперь сюда пришли другие люди — крестьянки, раскрепощенные новым строем. Коммунистическая партия Чехословакии и народно-демократическая власть, осуществляя политическое и экономическое равноправие женщин, предоставляют им широкие возможности для всестороннего развития своих способностей и творческих сил.

Дворец у шоссе. Восемь часов вечера. Слышится пение. Сегодня — вечер очившихся курсы крестьянок. Маргита Забоничева из деревни Врбле у Нитры стоит

под хрустальной люстрой и слушает музыку — это играют для нее.

С восьми лет она работала на панском поле. Она знает, что такое подневольный труд, мороз и палящее солнце. Впервые в жизни она стоит под хрустальной люстрой и слушает музыку. Старому — конец.

Недавно курсы посетил демократический писатель из Аргентины. Курсантки забрались его вопросам:

— Как проявляется в Аргентине влияние американского капитала? Какие у вас есть женские организации? Участвует ли ваша молодежь в политической жизни?..

— Мы отстали от вас, — защищалась писатель. — У вас всех, вероятно, высшее образование?

Все засмеялись. Конечно, все они прошли хорошую школу жизни. Они пережили черные дни Мюнхена и гитлеровской оккупации, радость освобождения в мае 1945 года и февральские дни 1948 года. Это было самой серьезной школой. Здесь курсы дают им теоретические сведения.

— Чему вас здесь учат? — спрашивал аргентинец и услышал в ответ:

— Изучаем вопросы международной по-

литики, историю рабочего движения, новую аграрную политику.

...Весел и чист смех в зале, обаятелен хор молодых голосов. А кто дирижер? Здена. Здене 20 лет. Она ведет учебной частью курсы. Долго ночью горит свет в ее окне. Здена разрабатывает программы, пишет рефераты, поддерживает связь с Прагой, наблюдает за работой кружков, выявляет музыкальные и драматические таланты. А их очень много.

На вечер приехали гости. Лица знакомые — их видели на фото в газетах и журналах, на митингах. Депутаты, депутаты парламента. Одна прошла немецкий концлагерь, другая видела расстрел мужчин в Лидиче, положенную деревню, нацистов, убивающих грудных детей. В ее лице — сила веры, разглядевшая за дымом Лидиче наше национальное освобождение.

Скоро конец вечера. Одну гостью ждет парламента, другую — аграрная конференция, Здену — подготовка к новому приему, а слушательница — дорога домой, в деревню. Там они организуют детские ясли, общественные прачечные, осуществят много больших и малых дел преобразования старой деревни.

ПРАГА

Рост цен в капиталистическом мире

Каким чудовищным контрастом по сравнению с положением трудящихся в СССР выглядит судьба и жизнь трудящихся в капиталистических странах, где цены непрерывно растут, зарплата снижается, покупательная способность населения падает, а ближайшие перспективы сулят только новые лишения и голод.

Это не в состоянии скрыть даже столь реакционная организация, как Американская федерация труда, которая в одном из последних своих отчетов констатирует: «Неуловимое повышение цен было главной причиной того, что прожиточный минимум превзошел заработок среднего американца. Цены на продовольствие за последние три года выросли на 54%. Со времени окончания войны цены на одежду выросли на 36%, на дрова и уголь на 23%, на мебель на 40%, на предметы домашнего обихода на 22%».

По магнаты крупного капитала, посланно обогащаясь на подготовке новой войны, успешно заняты сейчас разработкой плана дальнейшего наступления на жизненный уровень трудящихся. На северо-востоке США, в штате Новая Англия — этом центре текстильной промышленности, — уже зародился некий «план Литтла», названный по имени местного крупного фабриканта. Это план удвоенной эксплуатации трудящихся, предусматривающий сокращение зарплат на 40% и лишним процентом и увеличение связи половин рабочих. «План Литтла», как правильно указывал журнал «Уоркер магэзин», вводится для того, чтобы «запугать рабочих и заставить их согласиться на чудовищные условия эксплуатации».

О подлинных настроениях трудового американца свидетельствует рассказ жены ветерана прошлой войны, работающего сейчас водителем грузовика в Портленде, Доротти Дрейк:

«Цены на продукты растут буквально ежедневно, — говорит она с ужасом и возмущением. — Уже больше двух лет мы не можем позволить себе купить кусок хорошего мяса и покупаем лишь отходы. Мы уже несколько лет не были в кино. Дети часто болеют, но мы не имеем возможности позвать врача или положить их в больницу. В наше время мы умираем, не выходя из дома...»

Такое положение трудящихся в Соединенных Штатах.

Но вот перед нами письмо, помещенное на страницах английской реакционной газеты «Дейли мейл». Автор письма — не рабочий, а фермер. Точнее, он был фермером в течение 35 лет, имел свою землю и скот. Теперь у него нет ни того, ни другого. «Тысячи фермеров находятся в таком же положении, как я, — подчеркивается в письме. — Меня охватывает глубокое чувство возмущения, когда я читаю о новом сокращении мясного пайка, а также о возможном снижении рацийки и на другие продукты».

Во Франции — даже по официальным, — за последний год цены выросли в среднем на 57%. В связи с этим французская буржуазная печать вынуждена признать полный провал «плана Маршалла».

Владимир СОКОРСКИЙ, вице-министр культуры и искусства Польши

ГОВОРЯТ ЦИФРЫ

Польша готовится к работе по шестилетнему плану.

Трехлетний план восстановления народного хозяйства, выполнение которого завершается в этом году, привул нас к такому стремительному движению по пути экономического и культурного расцвета, какого никогда раньше не знала Польша. И все же планы предстоящего шестилетия не могут не поразить своей грандиозностью воображение поляка, не могут не наполнить его чувством гордости за свою народно-демократическую родину.

«Шестилетка» индустриализации страны и механизации сельского хозяйства будет вместе с тем периодом бурного культурного развития Польши. Ежедневно в течение всего шестилетия на нужды культуры будет расходоваться более 33 миллионов злотых! Каждая вождь получит свой дом культуры, каждый уезд — кино, радиоузел в театр, каждый воеводский город — профессиональный театр и филармонию. Различные театры для взрослых и детей, ансамбли песни и пляски будут постоянными гостями этих домов культуры и местных театров.

Широкое развитие получит кино. В конце шестилетия будет действующим 1000 постоянных кинотеатров (вместо 546, имеющих сейчас) и 3000 передвижных кинотеатров (в настоящее время есть 170).

Будет развернута обширная сеть школ и курсов для ликвидации неграмотности и малограмотности, чтобы полностью весь трудящийся народ мог пользоваться благами культуры. Подготовкой работников культурного фронта — просвещения, науки, искусства — уже давно заняты наши университеты и политехникумы, количество студентов в которых теперь вдвое больше, чем было до войны.

В 1955 году в Польше будут созданы две академии изящных искусств, девять высших училищ и сорок пять школ-лицеев изобразительных искусств, музыкальная и театральная академия, девять высших и около трехсот средних и низших музыкальных школ, высшие драматические школы и киношкола, девять школ для инструкторов художественной самодеятельности профессиональных союзов и другие. В качестве научного центра уже в этом году создается Институт искусства, который будет преобразован затем в Польскую академию искусств. Кадров этого института составляют ученые, литературные и театральные критики, стоящие на платформе марксистско-ленинской эстетики.

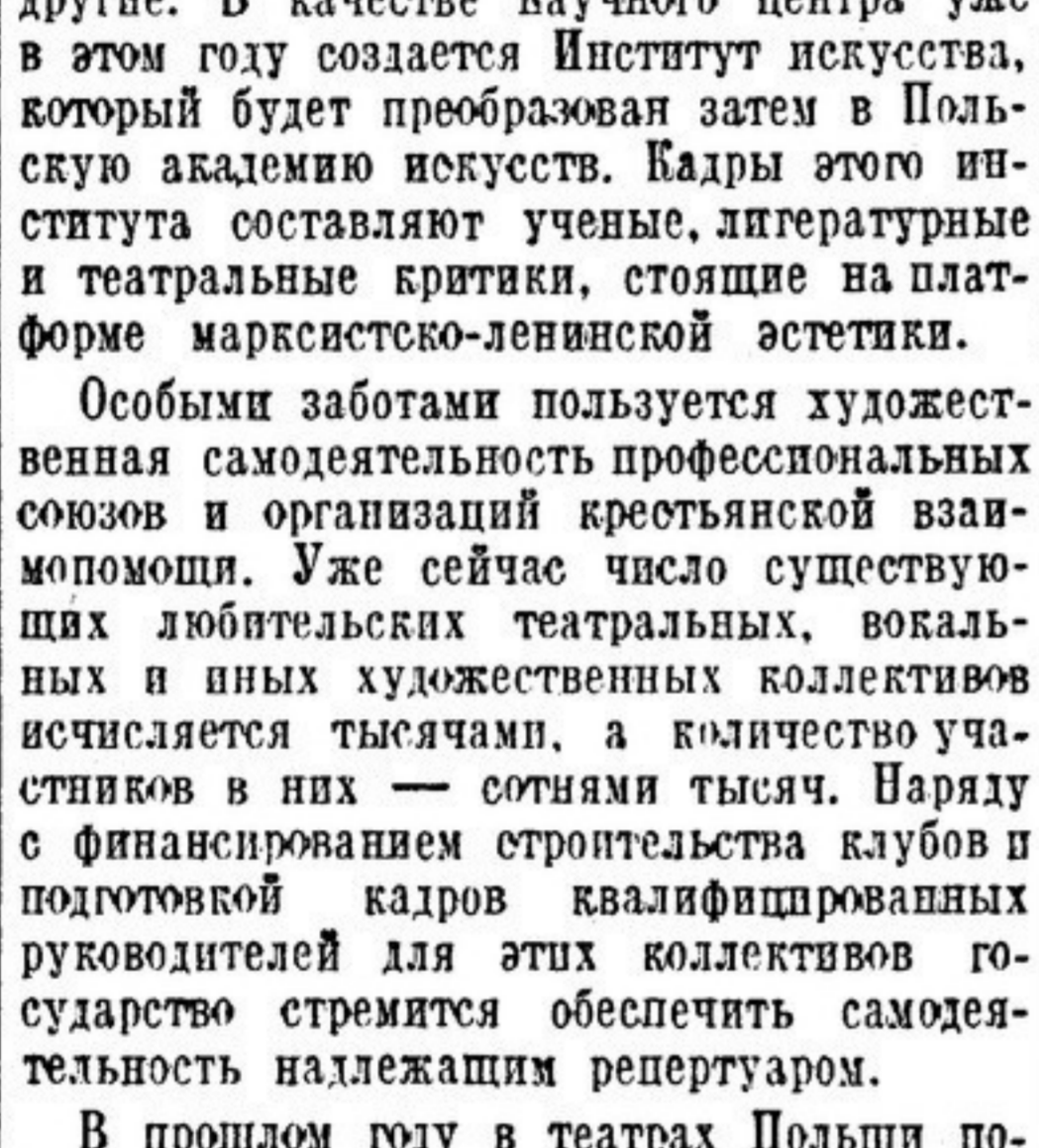
Особыми заботами пользуется художественная самодеятельность профессиональных союзов и организаций крестьянской взаимности. Уже сейчас число существующих любительских театральных, вокальных и иных художественных коллективов исчисляется тысячами, а количество участников в них — сотнями тысяч. Наряду с финансированием строительства клубов и подготовкой кадров квалифицированных руководителей для этих коллективов государство стремится обеспечить самодеятельность надлежащим репертуаром.

В прошлом году в театрах Польши побывало восемь миллионов зрителей. Кроме того, спектакли любительских театров посетили четыре с половиной миллиона человек. Уже эти цифры говорят о том, сколь велика роль театра в деле воспитания масс. Новый зритель — рабочий, трудящийся интеллигентия, крестьяне — предвывает к спенческому искусству по-

вышенные требования. Однако к удовлетворению этих требований польская драматургия, надо сказать, оказалась неподготовленной. Только пять из шестидесяти девяти пьес, показанных театрами в прошлом сезоне, принадлежали перу современных драматургов.

В последнее время, правда, интерес литераторов к театру стал заметно возрастать. В министерство культуры и искусства поступило свыше 600 пьес. Представили новые пьесы писатели Ивашевич, Кручковский, Корпелли, Кубаньки. Но еще слишком рано говорить о переломе. Надо надеяться, что последний с'езд польских литераторов в Штеттине и состоявшийся до него с'езды польских композиторов являются серьезными этапами на пути развития духовной культуры польского народа, проникнутой идеями международного братства и подлинного народного патриотизма.

Следует отметить, как положительный факт, что в репертуар польских театров прочно вошли русские пьесы. В текущем сезоне наши театры покажут двадцать пять пьес советских авторов и семь пьес русских классиков. Пьесы советских драматургов показывают нашей драматургии то направление, в котором она должна развиваться, чтобы не отстать от жизни, от требований народа.

Увеличение тиража изданий художественной литературы и почти в семь раз тиражей учебников и научных трудов по сравнению с довоенным периодом делает книгу доступной самым широким слоям трудящихся. Двадцать тысяч библиотек открылись во всех уез-

Общими заботами пользуется художественная самодеятельность профессиональных союзов и организаций крестьянской взаимности. Уже сейчас число существующих любительских театральных, вокальных и иных художественных коллективов исчисляется тысячами, а количество участников в них — сотнями тысяч. Наряду с финансированием строительства клубов и подготовкой кадров квалифицированных руководителей для этих коллективов государство стремится обеспечить самодеятельность надлежащим репертуаром.

Советский Союз является для нас бесценной сокровищницей великого опыта, помогающего народной Польше в короткий срок сделать огромный прыжок вперед — к высотам передовой культуры человечества, культуры социализма.

ВАРШАВА

Будни народной Болгарии

Я перешошу мыслями в 1953 год — последний год начатой нами в январе пятилетки. Я думаю о том, как приеду в деревню Раево Конаре, что в двухстах километрах южнее Софии, и увижу ее новую жизнь, ставшую возможной благодаря усилиям рабочего класса во главе с коммунистической партией, благодаря неустанной помощи великого Советского Союза.

В Раево Конаре я бывал и раньше. Направляясь туда, я проезжал мимо тысяч и тысяч межей — в стране было более 12 миллионов покосок земли, принадлежавших единоличникам. Вскоре после освобождения Болгарии от гитлеровцев и осуществления земельной реформы жители этой деревни оцими из первых создали трудовой сельскохозяйственный кооператив, в который вошел 150 семейств. Уже к началу пятилетки доходы член кооператива в восемь раз превышали довоенные доходы их индивидуальных хозяйств.

Каким будет это село через пять лет? Я знаю, что судьба его неразрывно связана с пятилеткой, а мне довелось быть у ее истоков и отсюда увидеть Болгарию недалекого будущего.

В 1948 году в Софии происходил конгресс коммунистической партии. Рабочие, крестьяне, ученые и офицеры народной армии, сядя рядом, прислушались к словам оратора. Председатель государственной плановой комиссии Добри Териев делал доклад о пятилетнем плане. Множество цифр. Делегаты аккуратно записывали их в блокноты. Там, где хозяйство находится в руках капиталистов, простым людям цифры мало что говорят. Но здесь, в демократической Болгарии, цифры не утомляют внимания, они звучат, как любимый народный инструмент кавал.

И когда Добри Териев сказал, что к концу пятилетки производство электроэнергии по сравнению с 1939 годом вырастет в семь раз, в зале началось взволнованно-радостное движение. Не только

здание, где заседал конгресс, — вся страна как бы озарилась ярким светом.

Пройдет пять лет, и воля коммунистической партии, воля рабочего класса претворится в жизнь. Цифры оживут в корпусах заводов нового города Димитровграда, в ашелонах угля, плущего с шахт богатейшего на Балканах угольного месторождения близ этого города, в гуденши сирен новых предприятий, гидроэлектростанций на Тамбоазе и Росице, Тополнице и Марише...

И вот я в Раево Конаре в 1953 году. В сумерках я иду мимо выросших на окраине ремонтно-механических мастерских и сияющих белыми пометами крупной животноводческой фермы, мимо школы и детского сада, библиотеки и клуба, иду на ярво освещенную вывеску «Правление трудового сельскохозяйственного кооператива Раево Конаре».

В правлении собрались ветераны крестьянского производственного кооператива — бригады и звеньевые, агроном, зоотехник и другая сельская интеллигенция. И во всем тут торжество пятилетки — в этой беседе людей народной болгарской деревни, в тракторах, парк которых в Болгарии пятилетка увеличит более чем до десяти тысяч, в лампочке, что горит над этим столом, и в миллионах ламп, осветивших за пятилетие тысячи городов и сел.

...Так будет. Много борьбы и труда потребует пятилетка. Коммунистическая партия открыто говорит об этом. И народ все теснее сплавивает свои рылы под ее знаменем. Болгары знают, что в борьбе за построение социализма они не одиноки. Великий опыт и помощь Советского Союза, боевое руководство коммунистической партии воодушевляю их на героические подвиги. Страна покрыта лесами новостроек. Преодолевая трудности и сопротивление классового врага, она неукомно идет вперед.

СОФИЯ.

Картина Фужерона, представляющая в «Осеннем салоне» вызвала бурную реакцию на страницах журналов, посвященных искусству.

Картина изображает парижанок на рыбном рынке. Торговка рыбой, подаяв рыбу за жары, расхваливает свой товар покупателям. Парижанки на первом плане стоят в нерешительности. Хотелось бы купить рыбу, да дорогая очень. На фоне вырисовываются силуэты домов. Видно, это Париж.

«Какой дешевый реализм! Какая банальность!» — кричат те самые критики, которые раньше осуждали современное прогрессивное искусство за его смелость.

Точно с таким же явлением, вызвавшим негодование критиков, мы сталкиваемся и в поэзии: Арагон, талант которого не уменьшился ни на йоту, начал писать стихи, доступные пониманию каждого. И в трагический период бедствия 1940 года, во время французского Сопротивления, поэзия Арагона не только была в авангарде борьбы, но и стала знаменем всей передовой поэзии.

Буржуазные критики выступают против Фужерона только потому, что они знают: он — коммунист. Они говорят и пишут: «Фужерону было приказано там изображать действительность, и он это делает. Мы не должны отказываться от свободы творчества». По поговорим немного о пресловутой «свободе» искусства во Франции.

Существует ли свобода творчества для писателя? Почти каждый день ко мне приходят начинающие писатели с жалобой, что никто не хочет их печатать, а издатель отказывается их даже принимать. Большое количество издателей, которых коснулась кризис, предпочитают издавать переводы американских книг и авторов, подобных Теппи Миллеру. Они больше интересуются порнографией или сенсационными книгами предателей, чем творчеством наших начинающих писателей. Мемуары Пьера Лавалля и маршала Петена, Пьера Таттенжа и Жана Жервалье Паки, а также гнусная книга Бравченко и Артура Кестлера получают большую поддержку и рекламу. Если так, то откуда же на-

Клод МОРГАН, главный редактор «Леттр Франсез»

Борьба прогрессивных сил во Франции

братись бумаги для наших начинающих писателей и поэтов? Пусть умирают с голоду. Издатели предпочитают «проститутку пера».

Разрешите мне привести один пример: молодой писатель едет в Испанию. С помощью левых организаций ему удается установить связь с партизанами. Он возвращается с готовым рассказом, который появляется в газете. Затем автор пытается издать свой рассказ, и здесь он наталкивается на отказ со стороны издателя. Первый, издатель, в котором он обращается, отказывает ему под тем предлогом, что он не хочет издавать книг, касающихся политики. Другой заявляет, что подобный репортаж его не интересует и добавляет: «Если вы хотите, чтобы я издал вашу вещь, включите в нее несколько нападок на Советский Союз. Если вы выполните нашу просьбу, мы сейчас же издадим ее».

Издательство, предлагающее подобную сделку писателю, — одно из старейших в Париже — «Ля либрерия плон».

То же самое происходит и в других областях искусства. Композитор, который предлагает свою вещь театру, заявляет: «Ваша вещь — не ходкий товар». Драматургу возвращают его пьесу под предлогом, что она слишком реалистична, заявляя при этом: «Зритель не должен думать, он хочет развлекаться».

Французская буржуазия находит неудобным, что в Советском Союзе народ и коммунистическая партия, выражающая его волю, имеют свое слово и свое мнение по вопросам философии, литературы и искусства. Во Франции, так же как и в других капиталистических странах, диктует не народ, а торговля, которые присвоили себе право говорить за него. О какой свободе творчества может идти речь в капиталистическом обществе? Тот, кто платит, тот и распоряжается. Такая железная закон, который господствует в капиталистическом мире. И вполне очевидно, что тот, кто платит, не стремится к просвещению или освобождению народа. Он действует в интересах своего собственного класса.

Фужерон понял это, подобно Арагону и Элюару, он понял так же и то, что социализм открывает новые возможности для художника, создает новые отношения между людьми, устанавливает непосредственную связь художника с народом и предоставляет ему свободу творчества. Эти художники убеждены, что жизнь людей при социализме обещает будущее, полное перспектив, плодотворную почву для их творчества и ставит перед художником более глубокие задачи, чем простое самозащиты.

Только изменение самой психологии художников, поэтов, писателей может повлечь за собой их творческое направление. Это то, чего никогда не поймут буржуазные критики, утверждающие, что искусство не должно зависеть от политики. Буржуазным художникам, поэтам и писателям только кажется, что их искусство не зависит и не будет зависеть от политики, что может существовать «искусство для искусства».

Передовая литература Франции вновь обрела давно потерянный контакт с народом. Под влиянием поэтов — участников движения Сопротивления она стала выражением надежды и чаяний народа. Тогда буржуазные критики заявили: «Это не литература».

Они пытались простоять и задуть эту литературу, направленную на подрыв устоев буржуазного строя. Разве она не пробудила ослепшие мысли у народа? Буржуазные критики были рады найти что-либо, что можно было бы противопоставить этой литературе. Они нападают на литературу, которая отображает буржуазно, мечущуюся в отчаянии при мысли, что будет построен мир, где они будут лишены своих традиционных привилегий.

Да, литература Жан-Поля Сартра и Альбера Камю, также имеет свои социальные корни. Камю преследует мысль о бессмысленности жизни и бесполезности созидательного труда человека. Герои Сартра — это те люди, а замученные животные, пришедшие человеческий облик. Я говорил об этом еще перед войной, в своей статье о работе Сартра «Стена». Смерть многих наших товарищей, участников движения Сопротивления, смерть философа Жоржа Поллера, который умер от пыток, не выдав товарищей, смерть Жака Декюра, основателя «Леттр Франсез», выраженного презрение к своим палачам, смерть Габриэля Пери, Валентина Фельдмана, автора «Современной эстетики», крикнувшего в ядро расстрелявшим его солдатам: «Глушцы! Я умираю за вас!» — смерть и борьба тысяч и тысяч безымянных героев доказали, что Сартр ослепдал человека и продолжает клеветать на него и сейчас.

Писатели, напавшие на литературу участников движения Сопротивления, не в состоянии были удупить ее, так же, как и реакционная буржуазия не могла подавить голос народа, поднимающегося против своих угнетателей. Вот почему многие из них перешли на сторону коллаборационистов и предателей.

Сегодня они пытаются привлечь к себе внимание. Но ни Апри де Монтерлан, ни Жан Жюно, ни Андре Терив, ни Марсель Жуанно, даже при помощи Франсуа Мориака и Жана Полана, ничего не могут сказать ни в настоящем, ни в будущем — они выдохлись. Мориака больше не может писать романов. То же самое можно сказать и о творчестве Андре Мальро. Он больше не пишет романов, он превратился в депшица человека, который стремится стать диктатором. Моральное падение не возмещается чевока.

Реакция полемика, подытая на страницах «Фигаро» по поводу «Грязных рук»

Сартра и газетных статей Мориака, а также знания десятков томов мемуаров предателей, являются попыткой задушить голос писателей, верных народу. Недавно организация бывших участников Сопротивления и новая группа борцов за свободу, возглавляемая Ивом Фарж, обратились с призывом к парижанам — организовать демонстрацию перед книжным магазином в Сен-Жермене, где были развешены плакаты эти книги. Несмотря на пытки полиции, народ показал, что он не намерен терпеть оскорбления.

В этом году в Париже заметно оживилась деятельность французской прогрессивной интеллигенции. Это особенно относится к национальному комитету писателей, который включает прогрессивных писателей всех направлений. В этом году ежегодная распродажа книг имела огромный успех. Среди этих книг: сборник стихов Арагона и замечательная повесть Жана Лафитта о жизни франтиреров, взорвавших разноминистацию в Сент-Ассиз во время немецкой оккупации.

Распродажа книг, организованная национальным комитетом писателей, превратилась в очень важное событие культурной жизни Парижа.

Еще одно доказательство в пользу вышесказанного: французская делегация на Международном конгрессе борьбы за мир во Вроцлаве единогласно голосовала за его резолюцию. Вся французская пресса была вынуждена говорить о конгрессе и по всей стране разрослось мощное движение в защиту мира.

Несмотря на все усилия, Мальро не удалось привлечь на сторону де Голя на одного выдающегося художника. Представители литературы и искусства очень хо-

рошо помнят, какая участь постигла их немецких и итальянских коллег при фашистском режиме. Они хорошо знают, что фашистская чума является естественным врагом всей культуры. Кровавые инциденты в Гренбле, где французские граждане умерщвлялись вооруженными бандами де Голя, привлекли к себе внимание многих художников, писателей, поэтов. Кажется, эти события помогли рассеять иллюзии многих доверчивых французов относительно «демократических» чувств фашистского генерала.

Мы ведем борьбу за прогресс, за мир. Демонстрацией этому служат многочисленные забастовки, при помощи которых французский народ отстаивает свое право на кусок хлеба в свободу. Это хорошо понимают писатели. Отвечая на призыв борцов за свободу и независимость Франции, честные граждане, не желая стать пущеным мясом по приказу «завлапного» генерального штаба, поднимаются на борьбу (более ослепленные чем это когда-либо было раньше) в защиту мира и свободы.

Прогрессивные художники и интеллигенция переходят в наступление.

Та борьба, которая развивается сейчас во Франции — не только борьба интеллигенции. Она подобна той борьбе, которую французский народ вел во время немецкой оккупации, когда французские писатели, оставшись верными родине, разделяли вместе с ней ее радости, горести и лишения, отстаивали ее свободу. Если некоторые полейцы и стали ренегатами то сколько молодых друзей пришло на их место в наши дни!

Эта борьба — борьба всей Франции, которая в недалеком будущем будет иметь настоящее демократическое правительство, так страстно желаемое рабочим классом. Эта борьба породе нам нашей жизни и мы выиграем ее.

ПАРИЖ